

ЛЕДЯНОЙ
РУССКИЙ ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РОМАН
ТРИЛЛЕР

НИКОЛАЙ ОБОДНИКОВ

**СИРЕНЬ
АМАЯ**

МОСКВА
2023

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
О-21

Ободников, Николай Николаевич.

О-21 Сирены Амая / Николай Ободников. — Москва : Эксмо, 2023. — 416 с. — (Ледяной триллер. Русский фантастический роман).

ISBN 978-5-04-189120-6

На побережье Белого моря обнаружено изуродованное тело молодой девушки. Кажется, неизвестный убийца в своей жестокости превзошел всех маньяков: вырезанные груди, зашитая промежность, на ногах не хватает сразу трех пальцев — явно генетическое уродство. Вдобавок бедра и руки испещрены непонятными буквами, похожими на те, что оставляют ножом на коре деревьев...

Следователь Симо Ильвес предполагает, что это ритуальное убийство. И совершить его могли на расположенном неподалеку острове Сирены Амая, где до этого не бывал никто из цивилизованных людей. В предполагаемое логово разгадать тайну гибели несчастной девушки отправляется смешанная группа — следователь, опер, криминалист, ученый-религиовед и патологоанатом.

Берег встретил их зловещей тишиной. Но уже в следующую секунду ступившие на чужую землю поняли, что попали в совершенно незнакомый и явно враждебный мир. Мир, в котором смерть — не самое страшное из зол...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-189120-6

© Ободников Н.Н., 2023
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2023

Часть I

БЕРЕГА

1. НАКАЗАНИЕ АННЕЛИ

Марьятту пошатывало от усталости. Временами перед глазами вставал образ двух зеленых холмов, способных накормить стада овец, а потом с неба начинало изливаться пламя и холмы вскипали. Затем они проваливались, и на их месте возникала огненная шахта, уводившая в недра земли.

В груди вспыхнули два очага боли, и Марьятта застонала. Действие обезболивающего заканчивалось. В голове пронеслась безумная, но правдивая мысль: Красный Амай следит за ней тысячами глаз, прислушивается к ее дыханию. К счастью, глаза, которые могли бы обнаружить ее грех слабости, были обращены в другую сторону.

На небольшом деревянном помосте кричала Аннели, одна из немногих в общине, чье лицо было ровным, как крылья бабочки. Ее прерывистый вопль, походивший на стон рожавшего в муках животного, разрывал ночные звуки тайги и, отражаясь от камней, уходил в звездное небо.

В отблесках факелов было видно, как Аннели, голую и безгрудую, удерживают две фигуры в черных рясах.

Секунда-другая, и девушку поднимут на плечи, ее похоронное ложе.

«Камни — ваши матери! Они же вас и прихлопнут!» Марьятта едва сдерживала себя, но это не мешало ей кричать в своем внутреннем мире. В глазах все расплывалось, и она быстро протерла их ладонью.

За помостом и под ним сгушалась тьма. Марьятта знала, что там находится огромная дыра в скальном массиве, ведущая прямоком в живот их бога. Дыра так и называлась — Глотка Амая. Да и могла ли по-другому называться пасть, не ведавшая никакого насыщения?

Крики несчастной Аннели сменились захлебывающейся отрыжкой, и ее стошнило кровью. Такое нередко случалось, когда желудок был заполнен пищей. В таких случаях бусины, прежде чем обжечь внутренности и прикипеть к ним, выталкивали наружу все лишнее. Как правило, вместе с кровью.

Джакко и Димитрий зашептались, вытягивая шеи, и Марьятта ощутила злорадство. Ей было жаль Аннели, но она хотела, чтобы все пошло не по плану. И если уж земля не провалится, чтобы сожрать всех, то пускай хотя бы это крошечное отклонение досадит остальным. Одна из фигур присела и принялась шарить пальцами по крови, исторгнутой Аннели. Наконец показала, что все в порядке.

Люди, казавшиеся призраками в оранжевой тьме, оживились. Марьятта не видела лиц, не желала смотреть на них, но догадывалась, что сумасшедшая радость превращала улыбки в оскалы, а глаза — в горящие угли. Даже дети напоминали крошечных истуканов, впавших в ночной безумный раж.

Справа колыхнулись черные ленты широкополой шляпы, и Марьятта беззвучно ахнула. Вирпи, одна из страшнейших женщин общины, стояла совсем рядом. Навеваемый ею страх происходил от осознания того, *чем именно* она занималась в сарайчике со странным и бессмысленным названием.

Вирпи запрокинула голову и тяжело задышала; глаза выкатились, губы задрожали, выталкивая бессвязные слова благодарности. Это состояние иступления, будто по цепи, передалось остальным, и вскоре Марьятта, едва не съеживаясь от ужаса, очутилась в центре бормочущей толпы. Ритуал впервые вызывал у нее такое отвращение.

Аннели испустила крик, который с уверенностью можно было назвать воплем яростной обиды.

— Я просто хотела другой жизни! — прорыдала она.

Ее голос, словно длинная игла, уколол мозг прямо сквозь череп. По крайней мере, такое ощущение возникло у Марьятты. Но куда важнее было то, что она распознала в этом рыдании. Ересь. Слабость, облеченную в слова. А еще мечту, которую убивали на глазах нескольких десятков человек.

От группки фигур в рясах, обособленно стоявшей у помоста, отделилась самая высокая. Антеро. Если кто-то и должен был ответить вероотступнице, так это старейшина.

— А ты попроси о другой жизни *лично*, — посоветовал он, обращаясь к Аннели. — Только говори громче, экотаон: чтобы *Он* тебя услышал. А еще лучше — вопи об этом.

В груди Марьятты все замерло, кровь будто смерзлась от страха. Из дыры выползало тяжелое и мощное дыхание.

А потом оттуда рванул рев.

Сперва он напоминал протяжный выдох, несший в себе простейший звук, который мог исторгнуть даже новорожденный. Затем звук трансформировался в нечто визгливое и настолько глубокое, что оно могло принадлежать только древнему существу, выражавшему ярость где-то глубоко под тоннами земли.

Несколько рук встряхнули Аннели, на мгновение приглушив ее рыдания, и подняли. Марьятта, единственная, кто не запрокинул голову в экстазе, в последний раз посмотрела на эту маленькую девушку, лишенную даже права называться женщиной.

Тени от факелов вздрогнули, когда те же руки сбросили жертву в ревущую глотку земли.

Истошный и безобразный крик Аннели, в котором не было ни красоты, ни благородства, лишь животный страх смерти, парализовал Марьятту. Она замотала головой, размазывая ладонями по лицу слезы.

Вопль Аннели сменился звуком, какой обычно бывает, если резко приложиться грудью о препятствие, а потом и вовсе стих. Амай не церемонился с отступниками. Подземный рев стихал, говоря об удовлетворении его обладателя.

Члены общины один за другим расходились, исчезали в ночной тайге. Но едва ли кто-либо из них осознавал собственную ничтожность или уродство. Огни факелов разбрасывали острые тени. Где-то на западе завывала дыра поменьше. Нет, бог на сегодня сыт. Он просто напоминал о себе — этим жутким воем в ночи.

Побрела со всеми и Марьятта, спотыкаясь в темноте. В груди двумя змейками, свернувшимися в клубок, пульсировала боль. У нее еще оставался кеторол. По-

следний блистер с убийцами боли. Но что будет, когда и он закончится? Да ничего нового. Придется опять посмотреть в глаза той, что продолжала резать и резать, несмотря на все крики и увещания.

Ладони сами собой сжались в кулаки, и Марьятта тихо, сквозь слезы, рассмеялась.

2. НАХОДКА ПИКУЛЯ

Вид пса, с лаем носившегося за чайками, мог вызвать улыбку у кого угодно, но только не у человека, собиравшегося позвать собаку по имени, которое сложно было назвать собачьим. Спрятав нос в воротник стеганой куртки, Антон Юрченко, больше известный на работе как Юрч, еще раз огляделся. Коттеджи и многоэтажки Пираостровска, оставшиеся вдалеке и ставшие добычей утренней хмари, утверждали, что никто ничего не услышит. Прибой также клялся в том, что звук будет погашен в радиусе двадцати-тридцати метров.

Море, редкие острова и небо напоминали монохромную картинку, и только по каменистому берегу сновало яркое тигровое пятнышко. Пес породы басенджи напоминал точку от исполинской лазерной указки, которой забавлялся какой-то шутник, сидевший на черно-серых облаках.

— Господи, ну за что мне это? — Юрч покачал головой, проклиная собственную мягкотелость.

Пес объявился в его жизни около пяти месяцев назад — возник вместе с датой календаря, утверждавшей, что не худо бы девочке на свое десятилетие получить стоящий подарок. Бог — свидетель, Юрч любил дочь

и потому купился на все эти уговоры, гарантировавшие, что собака будет бременем юной леди с косичками.

— Ну и кто теперь идиот? — пробормотал он. Еще раз удостоверился, что на берегу только он, пес да сумасшедшие чайки, затеявшие склоку чуть впереди. — Пикуль! Пикуль, черт возьми! Ко мне, полосатая ты труба на ножках!

Пес поднял голову, гавкнул и продолжил распуговать птиц.

Чертыхнувшись, Юрч сунул озябшие руки под мышки и побрел к собаке. Пикуль. До чего же нелепое имечко для собаки. Особенно для кобеля! Лишь по этой причине Юрч вот уже второй месяц выгуливал пса на берегу Белого моря.

Много ли можно вытерпеть снисходительных улыбок, так и говоривших, что кличку придумал именно он, Антон Юрченко, а не его дочь? Что вы говорите? Десятилетняя крошка наградила питомца таким прозвищем? Ну что вы. Оно больше походит на мечту выпивохи... коим Юрч себя, конечно же, не считал, хоть и признавал достоинства маринованной закуски.

О писателе по фамилии Пикуль, авторе исторических и военных книг советских времен, он, на беду, не знал. Как и не знал о том, что пикули, они же — маринованная закуска, пишутся исключительно во множественном числе.

Как бы то ни было, факт оставался фактом. Дочь дала псу кличку, а отдуваться и краснеть за нее приходилось Юрчу.

— Пикуль! — взревел он. Раздражение поднималось к горлу кислой пеной, и кислота в глотке начала жечь с утроенной силой.

Басенджи наконец-то распугал всех чаек и теперь с удивлением смотрел, как голова и левая рука объекта, пробудившего интерес птиц, полощется в темной волне.

Голова трупа качнулась, челюсть приоткрылась, и пес с повизгиванием бросился к хозяину.

Возможно, в другой момент Юрч и оценил бы то, что пес ищет у него защиты, но сейчас всем его вниманием завладела мертвая девушка. На какой-то миг этот сорокалетний мужчина, резко постаревший, застыл, а потом подхватил скулившего пса на руки и осторожными шагами направился к мертвецу.

— Тише, Пикуль, успокойся. Да уймись же ты, ради бога! Мы просто убедимся, что тетя не может встать сама, хорошо?

В следующую секунду Юрч засомневался в правдивости собственных слов. Мертвец будто бы пытался ввести стороннего наблюдателя в заблуждение относительно своего пола: короткая стрижка, наполовину зарубцевавшиеся раны в области груди, в лобковых волосах — все казалось сжатым и перекрученным.

Но это была девушка. Об этом говорило все: от широких бедер до типично женского расположения жирка — на талии, ляжках и, вероятно, ягодицах. Вдобавок нагую и юную покойницу покрывали раны столь глубокие, что они походили на следы от ударов штыковой лопатой. Многие участки кожи на животе благодаря холодной воде превратились в тонкие красные кружева.

Но даже эти повреждения не могли скрыть явного уродства неизвестной. Юрч вдруг понял, что если он сейчас же не отведет глаз, то навсегда запомнит эти чудовищные ступни и приветливое помахивание левой

рукой. «Привет-привет, я приду к тебе в кошмарах, Антоша! Там мы помашем друг другу ручкой, а потом я откушу от тебя маленький кусочек».

— Господи, нет! — Юрч резко отвернулся.

Еще до того, как вызвать полицию, он внимательно посмотрел на время и дату календаря на смартфоне. Их стоило запомнить хотя бы потому, что сегодня, двадцать шестого апреля, в половине девятого, он нашел свой первый в жизни труп.

3. ИСТОРИЯ ШОКИРУЮЩЕГО РАССЛЕДОВАНИЯ (СТР. 4)

Из книги «Сирены Амая: история шокирующего расследования», Ярослав Доргун, издательство «Черная Древесина», 2023 г., страница 4

«Память мира — все равно что глина.

Незначительные события, вроде пожаров, обрушения домов или авиакатастроф, оставляют на глине едва заметный след. Проходит мгновение — перст судьбы смазывает их, и на глину памяти вписывается нечто посущественнее. Безусловно, войны и вооруженные конфликты навсегда оставят в глине глубокий след, но есть вещи, которые будут лишь на ее поверхности.

Например, история того же Чикатило, жестокого серийного убийцы, лишившего жизни свыше пятидесяти человек на почве собственных сексуальных расстройств, способная вызвать омерзение практически у любого здравомыслящего человека. Загадочное появ-

ление пары десятков кроссовок с человеческой ступней внутри каждой, обнаруженных в 2007 году на побережье моря Селиш, также останутся на глине памяти.

К слову, отмечу, что в последнем случае виновными оказались не пришельцы или картавые маньяки из глубинки, а обыкновенные креветки, питавшиеся утопленниками. Кто бы знал, что ракообразные в восторге от вкуса наших тел! Цинично, правда?

Следов на глине — множество, и некоторые из них поистине шокирующие. И обстоятельства, в которых оказалась следственно-оперативная группа “Архипелаг”, можно смело отнести к таковым — шокирующим и, без сомнения, чудовищным.

Эта книга представляет собой наиболее полную версию событий, случившихся 27 апреля 2023 года на Сиренах Амая, одном из островов Онежской губы. И события эти настолько ужасающие и невероятные, что поверить в них практически невозможно. Только благодаря неоспоримым доказательствам, коими, как ни прискорбно, выступают тела жертв, можно принудить разум уверовать в подобные злодеяния.

Здесь читатель найдет абсолютно все об этом деле: от сомнительной истории одного из специалистов Корпуса военных топографов, случившейся в 1920 году, до настоящего времени, когда 26 апреля 2023-го Белое море, близ поселка Пираостровск, вытолкнуло из холодных недр труп неизвестной.

Именно загадки обнаруженного тела привели к событиям, вследствие которых погибли 153 человека, включая пятерых членов следственно-оперативной группы, а один из двух выживших “Архипелага” попал под прицелы судебной и правоохранительной систем.

Речь пойдет не только об организованных и чрезвычайно жестоких убийствах, совершенных на религиозной почве, но и о том, что осталось за кулисами событий, произошедших на острове Сирены Амая. И, конечно же, читатель получит ответ на главный вопрос.

Каким богом будет человек, оказавшийся на грани смерти?»

4. ХОЛОДНЫЙ ПЛЯЖ

Волны вдалеке казались свинцовыми и твердыми; нырни в такую — и раскroiшь себе череп. Солнце, походившее на линзу мутного прожектора, едва грело, и Симо пожалел, что не сумел подъехать ближе. Комфортная «Хендэ Крета» осталась позади, вместе с прочим служебным транспортом, который не сумел преодолеть каменистый ландшафт дикого пляжа.

От мысли о прокуренном салоне брошенной машины во рту Симо пересохло, и он сунул в рот никотиновую жвачку, ненавидя каждого, кто мог курить без кашля. Идти по скользким камням было неудобно, поскольку приходилось смотреть не только под ноги, чтобы не поскользнуться, но и по сторонам в поисках улик. Но что, скажите на милость, можно найти на пустынном берегу, от которого, казалось, отворачивалось даже солнце?

Тем не менее Симо не оставлял попыток обнаружить хоть что-нибудь. Это была полезная привычка, в отличие от того же курения, и отказ от нее означал бы отказ от сути профессии — расследовать. Когда до берега, покрытого камешками и пеной, осталось не

более тридцати метров, Симо испытал мрачное удовлетворение, увидев работавшую следственно-оперативную группу.

Слева участковый уполномоченный Владислав Терехов опрашивал какого-то мужичка с забавной собачонкой на руках. Бледный участковый хмурился, записывал что-то в блокнотик и зачем-то смотрел на пса. Сам хозяин собаки выглядел опустошенным и испуганным.

Прямо по курсу, присев на корточки у самой воды, над трупом корпела Лина Щурова, серьезный эксперт-криминалист, в присутствии которого даже камни могли ощутить себя весельчаками. Но к ней покамест идти не стоило, если, конечно, не терпелось взяться за бумажную работу.

По правую руку от места происшествия торчал Назар Евсеев. К нему-то Симо и направился. Он не исключал, что свою роль в выборе собеседника сыграл огонек сигареты. Вот они на пару и покурят. Назар — свой «Винстон», а Симо — свою жвачку.

Старший оперуполномоченный курил, кутаясь в легкую куртку. Лицо и кожа на шее пошли красными пятнами от холода. Левая нога нетерпеливо постукивала. Только острый взгляд был ветру не по зубам.

— Что, бодрит? — спросил Симо, протягивая руку.

— До синевы. — Назар ответил на рукопожатие и чуть дольше, чем следовало бы, подержал руку следователя в своей руке, наслаждаясь ее теплом. В который раз пожалел, что поставил мобильность выше собственного здоровья. — Что с головой?

Рука Симо метнулась к крошечному порезу. Для своих сорока одного у него еще оставалось прилично волос, чтобы он каждый третий день сбрасывал редкие волоски,